

5. Caldwell, L. K. Environment: a new focus for public policy / L.K. Caldwell // Publ. Administration Rev. – 1963. – Vol. 23, № 3. – P. 132–139.
6. Ciriacy-Wantrup, S. V. The economics of environmental policy / S.V. Ciriacy-Wantrup // Land Economics. – 1971. – Vol. 47, № 1. – P. 36–40.

<http://edoc.bseu.by:8080>

*А.В. Свиридов, доцент
kr@bseu.by
БГЭУ (Минск, Беларусь)*

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ

История человечества со всей очевидностью свидетельствует о том, что особенности политического бытия того или иного народа всегда предопределены его культурно-цивилизационными основаниями. Формы политического устройства в целом, как, впрочем, и отдельные их элементы неизбежно несут на себе печать социокультурной ангажированности, и едва ли являются культурно нейтральными. В силу этого то, что в течение веков формировалось как неотъемлемая часть политической практики одного социума, может совершенно не срабатывать для другого. Так, например, нейтральность правового государства в идеологических и моральных вопросах на Западе без сомнения сыграла позитивную роль, обеспечив, наряду с прочим, зарождение и развитие раскованной индивидуальной инициативы. Но вопрос, дает ли применение этого принципа в незападных обществах те же результаты, что и на Западе, остается все еще открытым.

Такая культурно-цивилизационная ангажированность ставит под сомнение возможность существования универсальной политической формы, или хотя бы отдельных ключевых ее элементов, способных успешно функционировать вне ареала своего зарождения. Тем удивительнее выглядят все сегодняшние непрекращающиеся попытки безапелляционного преобразования мирового политического пространства по лекалам, претендующей именно на такую универсальность, западной либерально-демократической модели.

Рамки доклада не позволяют в полном объеме осветить особенности «западной демократии», поэтому анализу будут подвергнуты социокультурные основания лишь ее ключевого, представительского, принципа.

Прежде всего отметим, что представительная парадигма политики исключает из своего дискурса так называемые «высшие ценности», имея дело исключительно с интересами здесь и сейчас живущего человека. В данном случае понимание политического процесса характеризуется процедурой отнесения к холодному расчету. «Прагматики, ориентированные на интерес, значительно легче договариваются между собой, менее запальчивы и нетерпимы, чем романтические приверженцы «принципов, которыми нельзя поступиться» [1, с. 167]. Политическое здесь сродни ценностно нейтральному, способному наполниться любым, заранее не заданным содержанием. Речь идет

о ценностно неангажированном субъекте, преследующем в первую очередь материальные интересы и благодушно-беззаботном по части высших ценностей – идеалов. Ведь лишь тогда мы имеем дело с «открытым обществом», когда туда может войти всякий, предварительно освободившись от груза «твердых убеждений». Современный либерализм находит в качествах такого морально облегченного разума и гарантию демократического плюрализма, и резерв будущего, когда в этом обществе все чаще будут встречаться люди разного этнического и конфессионального происхождения.

И совсем другое дело, когда речь заходит о незападной политической культуре, где люди, сохранившие религиозно-морализаторское отношение к политике, видят в ней столкновение сил Добра и Зла. «В пронизанной манихейскими предчувствиями атмосфере политическая терпимость едва ли является возможной, а политический плюрализм воспринимается как циничная всеядность – преступное равнодушие к итогам схватки сил Добра и Зла» [2, с. 160].

Под не меньшим подозрением, нежели высшие ценности, у западной плюралистической демократии находятся объективные истины, в политическом пространстве перевешивающие весь kaleidoscope отдельных мнений. В этом смысле каждая точка зрения, каждая мнимость всегда будут демократичнее истины, потому что мнений много и они могут бесконечно конкурировать друг с другом, конъюнктурно меняться, тогда как истина всегда неуступчива, будучи нелиберальной по своей природе.

Другими словами, представительная демократия предполагает вынесение идеалов и ценностей за скобки, за пределы того, по поводу чего общаются деловые люди в деловом обществе. Для многих западных культур – это непомерно высокая цена.

Не менее важной чертой представительной демократии является отсутствие в обществе единого высшего (стоящего над частными) интереса, и господство представления об общем как всего лишь о сумме единичных позиций и стремлений. В гражданском обществе нет и не может быть одного субъекта, способного претендовать на монопольное выражение интересов всего общества. Из-за несовпадения групповых интересов «всеобщий интерес» является фикцией, эксплуатируемой адептами абсолютизма. «Внутренне единство общества отрицается принципиально, как утрата свободы, как тоталитаризм» [3, с. 44].

Это и является одной из ключевых предпосылок функционирования представительной демократии, где выборы представлены как политический рынок, на котором партии «продают» свои программы и получают плату в виде голосов граждан. В свободной конкуренции групповых интересов побеждает сильнейший.

Выборы же в западных обществах представляют собой плебисцит, главное назначение которого – явиться и одобрить общую линию государства. Поэтому так важна была в СССР явка на выборы, хотя мало кто из избирателей

вообще заглядывал в бюллетень – он говорил «да» самим фактом голосования неиспорченным бюллетенем.

В свою очередь и сам феномен голосования в представительных органах различных политических систем предстает в совершенно разных ипостасях. В «западном» парламенте голосование есть ритуал, символизирующий конкуренцию, в которой побеждает сильнейший (пусть даже с перевесом в один голос). В «совете» голосование есть ритуал согласия. Здесь стремятся обеспечить единогласие.

Не меньшее значение для определения сущности представительной демократии имеет и то, что последняя оперирует электоральным большинством, как совокупностью отдельных избирателей, которые противопоставляются друг другу, тасуются как карточная колода и выступают объектом манипуляции. Само выражение «борьба за голоса избирателей» теряет всякий смысл в том случае, если люди начинают голосовать в соответствии исключительно со своими социально-экономическими интересами и приверженностью своей социальной группе. В таком случае результат выборов всегда был бы известен заранее исходя из удельного веса соответствующих классов в обществе. В такой ситуации партии буржуазно-либерального меньшинства всегда оказывались бы в проигрыше. Именно поэтому для либеральной представительной демократии идеальным избирателем выступает индивид, покидающий свою классовую нишу и голосующий за представителей других партий. Только тогда, когда индивиды начинают вести себя как свободные электроны их них можно формировать текущий демократический электорат, меняющий свои очертания от одних выборов к другим.

И совершенно иное дело, когда речь идет о таком субъекте истории как народ, наделенном своей коллективной волей. Последняя может быть известна заранее и несводима к воле составляющих индивидов, живущих под знаком своих мелких частных интересов.

«Народ» превращается тем самым в оппонента современной представительной демократии. «Оказалось, что он обладает почти всеми [антидемократическими – ред. А. Свиридов] грехами: коллективной идентичностью, исключающей последовательный индивидуализм и плюрализм (свободные перемещения индивидов вдоль социально-политического спектра); коллективной верой (или верованиями), мало совместимой с плюралистической всеядностью демократии; коллективной исторической памятью, создающей основы внепрагматических выборов и предпочтений» [1, с. 161].

Отсюда становится очевидной принципиальная несовместимость народа и плюралистической демократии, народа и гражданского общества, народа и прав человека. Тотально несовпадающими становятся либеральное понятие гражданского общества и нелиберальное понятие народа. В первом случае речь идет о личном выборе, во втором – о коллективной судьбе.

Последовательно либеральная точка зрения состоит в том, чтобы на место народа как субстанциональной общности, являющейся исторической и моральной «данностью» для всякого, к нему принадлежащего, поставить

понятие «интерсубъективности» - общности, поминутно рождаемой в ходе взаимодействия автономных индивидов.

Также ключевое значение для успешного функционирования представительной демократии имеет представление о человеке, как об атоме, как свободном индивидууме, не связанном общинными или коллективистскими узами. Такое представление о человеке возникает на Западе в результате Реформации, Просвещения и буржуазных революций на протяжении XVI–XVIII вв. Человек становится атомом человечества – свободным, неделимым, находящимся в непрерывном движении и соударениях. По этому поводу российский мыслитель С. Кара-Мурза замечает: «Когда средневековая Европа превращалась в современный Запад, произошло освобождение человека от связывающих его солидарных, общинных человеческих связей. Капитализму был нужен человек, свободно передвигающийся и вступающий в отношения купли-продажи на рынке рабочей силы» [3, с. 90].

Само формирование гражданского общества в западном его прочтении требовало разрушения всяческих общинных, солидарных связей и превращения людей в индивидуалистов, которые уже затем соединяются в классы и партии, чтобы вести борьбу за свои интересы. Это – полное, принципиальное отрицание соборной личности, формирующейся вне ареала западной представительной политической культуры.

Религиозный философ Н. Бердяев писал: «У нас совсем не было индивидуализма, характерного для европейской истории и европейского гуманизма, хотя для нас же характерна острая постановка проблемы столкновения личности с мировой гармонией.... У нас все против индивидуалистической культуры, все ищут культуры коллективной, органической, «соборной», хотя и по-разному понимаемой» [4, с. 87].

Соборный человек не изолирован и не противопоставлен миру и другим людям, он связан со всеми людьми и со всеми вещами и отвечает за них. Такой человек всегда включен в солидарные группы. Именно здесь, в незападном политическом пространстве, мы видим совершенно иное прочтение феномена гражданского общества. Это среда, «воодушевленная глубоко содержательными социальными вопросами, касающимися реальных прав трудящихся на предприятия, прав жителей региона, прав потребителей, имеет своей основой понятие народа. Именно народ сохраняет в своем мышлении тягу к реальной гражданской сфере в ее социальном значении, тогда как «профессиональные либералы» интересуются только правами «крикливого меньшинства», живущего «политико-идеологической надстройкой» [1, с. 173].

Иными словами, ставя цель скопировать западную либерально-представительную модель демократии и распространить ее на другие регионы мира, не стоит забывать о ее глубинных социокультурных предпосылках. Игнорирование последних чревато вечным движением по кругу, что, впрочем, не ново для человеческой истории.

Список источников:

1. Панарин, А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А.С. Панарин. – М., 2004. – 640 с.
2. Панарин, А.С. Политология: учебное пособие / А.С. Панарин. – М.: Проспект, 1997. – 408 с.
3. Кара-Мурза, С.Г. Истмат и проблема восток-запад / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2001. – 256 с.
4. Бердяев, Н. Самопознание / Н. Бердяев. – М.: Азбука-Классика, 2010. – 416 с.

***В.С. Михайловский, доцент**
mikhailouskivs@bsu.by
БГУ (Минск, Беларусь)*

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СИНТЕЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Тема междисциплинарности неотделима от темы синтеза в силу того, что междисциплинарность есть результат объединения, соединения, т.е. синтеза знания. Современный и наиболее актуализированный междисциплинарный синтез знания предполагает объединение отдельных теорий, концепций, моделей, а не целых дисциплин или наук. Пройдя первичный этап парадигмального согласования возможности синтеза, политолог сталкивается с проблемой собственно соединения отдельных теорий для генерации новой политической теории. Здесь возникают две базовые проблемы политологического синтеза, решение которых и выступает теоретико-методологическим основанием междисциплинарного синтеза политической теории. Это проблемы «количественного результата синтеза» и «качественного результата синтеза».

Проблема количественного результата синтеза – это вопрос о структуре, полученной в результате синтеза политической теории (синтезированной теории). Есть ли количественный результат синтеза простой совокупностью объединенных теорий или политология получает что-то большее? Должна ли соблюдаться равно долевое «участие» теорий в генерации нового знания? И возможны ли «перекосы» в сторону той или иной исходной теории по мере генерации нового знания?

Проблема качественного результата синтеза – это по большей мере вопрос языка, полученной в результате синтеза теории. Является ли качественный результат синтеза простой совокупностью понятийно-категориального аппарата? Структурные элементы исходных теорий должны дополнять друг друга для лучшей познаваемости политики или должны давать уникальные объяснительные модели? Возможны ли «теоретические уступки» по мере генерации совместной политической теории?

Наша исходная установка в вопросе междисциплинарного синтеза политической теории заключается в том, что наукоемкость этого процесса соизмерима с творческим наполнением генерации новой политической теории.